

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОРМИРУЕТ ТВОРЦА

К педагогике, пожалуй, в наибольшей мере применима мысль Гегеля о том, что суть дела исчерпывается «не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением»¹, ибо процесс достижения цели запечатлевается и «застывает» в содержании достигнутого. Путь к истинной цели воспитания сам должен быть истинным. В противном случае, при благих намерениях, но не благих средствах, создаются не храмы, а казармы, не самодеятельные личности, открытые для живого диалога и сотворчества, а безликие агенты — «винтики» социальной машины с ее хозяйственным «механизмом», «рычагами» управления и прочими «шестернями», ведущими и ведомыми. Постоянное провозглашение целостно развитой личности как цели воспитания при растущем отчуждении молодежи от самодеятельности, от наследия классиков отечественной и зарубежной культуры не приближало к этой цели ни учащихся, ни педагогов. Путь, якобы ведущий к намеченной цели, формировал иные качества, порой прямо противоположные ожидаемым.

Командно-авторитарная педагогика тем и губительна, что в ее рамках учащиеся отчуждаются от самодеятельности и самоопределения, передают эти полномочия внешним инстанциям, у них атрофируется способность к новаторству в мыслях и делах. Эту способность студенты начинают воспринимать как достояние классиков науки, искусства, философии, как привилегию кафедр, различных комитетов. Даже собственная самодеятельность нередко представляется им как подозрительное инакомыслие, как небезопасный выход за некую «священную грань», за «красные флажки». С другой стороны, личность студента функционирует в таком педагогическом комплексе как «управляемая подсистема», как теннисный шарик, траекторию которого определяют педагоги-начальники, разного рода системы и методы воспитания. При этом все ставится с ног на голову: не педагогика служит свободному развитию студентов, а студенты служат ей как подтверждение кабинетных новаций — подходов «системных», «комплексных», «интегральных». Сами студенты и не ведают об этих новациях, ведь педагогическая наука разрабатывается и внедряется вообще без их участия. Вот эта логика определения извне парализует их самодеятельность, низводит их до исполнителей и формирует статичные схемы мысли и поведения. Речь, разумеется, идет не о намеренных кознях педагогов-«бюрократов», а о прочно сложившейся системе, закреплённой административными циркулярами,

стереотипными требованиями, недемократичным распределением полномочий между преподавателями и студентами.

Выход за пределы такой системы, очевидно, произойдет в первую очередь в сфере вузовской педагогики и только при товарищеской кооперации усилий студентов и преподавателей как единомышленников и членов единого коллектива без деления на «они» и «мы». Сегодня пробивает себе дорогу педагогика сотоварищества, сотрудничества, проектирующая и возвращающая самодетельную личность через сотворчество в коллективе. Она организована иной логикой — логикой самоопределения. Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию № 685 — хорошая основа для такой педагогики. Он дает широкую возможность для индивидуализации мастерства и творческого поиска преподавателя и студента, для их сотворчества на спецкурсах, индивидуальных занятиях. Традиционные лекции и семинары со временем могут превратиться в условия и предпосылки для главного момента учебного и научного процесса в вузе — индивидуальной работы со студентами.

Творческая самодетельность и есть верный путь воспитания не только «всесторонне развитой» личности, но и *субъекта* социального творчества. «Всесторонность» акцентирует количественную, экстенсивную сторону, многие умения, субъект же — качественную, интенсивную, способность к самоопределению и нормотворчеству, суверенность при выборе и принятии решений, умение брать на себя *полномочия* и порождать новые *причинные* ряды в социальной реальности.

Человекотворческая суть самодетельности глубоко раскрыта классиками философии Кантом и Фихте, Гегелем и Марксом. Логическим выражением социальной самодетельности явилась философская диалектика. Однако из лексикона советской философии категория самодетельности исчезла на долгие годы по вполне понятным причинам. В результате гуманитарные и общественные науки лишились основополагающего понятия и в них возобладала логика определения извне, заимствованная из естественных наук и весьма удобная командной системе управления². В наше переломное, революционное время фундаментальное исследование самодетельности является остроактуальным. Теория самодетельности могла бы трансформироваться в эффективную социальную политику и привести к радикальному обновлению понятийного аппарата, в частности, педагогики и психологии.

Теоретики научного социализма понимали самодетельность на формационном уровне как общую форму коммунистического созидания, а социальные институты — как органы самодетельности народа. В прежние периоды «самодетельность и производство материальной жизни были разделены... они являлись уделом

различных лиц, и производство материальной жизни еще считалось... второстепенным видом самодетельности»³. Они предвидели превращение материальной жизни общества в «полную, уже неограниченную самодетельность»⁴. К. Маркс развил положения о человеке как «самоустремленном» существе и о труде как «самоосуществлении, предметном воплощении субъекта, стало быть, как действительной свободе, деятельным проявлением которой как раз и является труд»⁵. В актах самоосуществления человек переводит свою сущность в действительность, побуждаемый не внешними факторами, а существеннейшей потребностью «дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя»⁶. Здесь разрешается противоречие между опредмечиванием и самоутверждением человека. Самодетельность и является адекватной формой самоосуществления, живым бытием свободы, порождением самобытной общественно-интересной новизны, т. е. творчеством.

Понимание коммунизма как общества самодетельности было развито В. И. Лениным. Суть его работ периода социалистического созидания заключалась в идее социализма живого, творческого, как создания *самого* народа. Они были пронизаны единой мыслью — «если не поднять массы на самодетельность, ничего не выйдет»⁷. В. И. Ленин ни в коей мере не толковал самодетельность как привилегию «творческой интеллигенции», не принижал ее уровень до «кружков» самодетельности. Его мысль была куда серьезней. Он писал о «самодетельности масс в рабочей кооперации»⁸, о «самодетельности солдатской массы»⁹ в установлении мира, о «развитии самодетельности рабочих и трудящихся крестьян в области просвещения»¹⁰, в сфере учета, контроля, регулирования всего производства и распределения¹¹.

Принципиально пересмотрев свое воззрение на «военный коммунизм», он стал развивать радикально новую концепцию социализма, который превосходил бы капитализм общественными отношениями, просторными для самодетельности ранее угнетенного народа. Политическая стратегия представлялась ему в «критический период» довольно ясно: государство и иные социальные институты призваны стать теми органами, посредством которых победивший в революции народ присваивает ранее отчужденное от него общественное достояние — собственность, власть, культуру. А такое присвоение возможно только при всеобщей («тотальной») самодетельности; оно неизбежно ведет к возрастанию роли не государства и тем более не политических партий, а новой общественности — органов общественного самоуправления. Задача же партии и государства состоит не в том, чтобы все держать в кулаке, всем командовать и все решать, а в неуклонном возвышении все новых и новых миллионов трудящихся до субъектов социального творчества путем соответствующего рас-

пределения *полномочий*, позволяющих развернуть самодеятельность людей труда. Новый, демократический, баланс полномочий осуществим на пути к *реальному социальному равенству*, которое включает в себя равенство экономического (в отношении собственности) и политического (перед законом).

Из этой стратегии вытекала мысль В. И. Ленина о строе цивилизованных кооператоров, которые становятся субъектами собственности, т. е. владеют, распоряжаются, пользуются как средствами производства, так и произведенным общественным продуктом. Благодаря экономической самостоятельности они становятся самостоятельными и политически, т. е. осуществляют свою коллективную волю через разветвленную систему политических и общественных организаций, устанавливая баланс полномочий. Главное в ленинской мысли о кооперировании состояло не в самой форме кооперации, а в ее содержании — на деле утвердить равенство всех в отношении собственности. Такая мера явилась бы историческим итогом долгой социальной борьбы за общественное равенство.

Это равенство сегодня вызывает у ряда авторов крайне негативную оценку как некая заоблачная мечта. Поэтому поясним суть дела. Первоначальные христиане грезил о духовном равенстве всех перед Богом. Буржуазия в борьбе с феодальными привилегиями утвердила формальное политическое равенство перед законом, т. е. правовое государство. Классики научного социализма обоснованно полагали, что политическое равенство при неравенстве экономическом остается сплошь и рядом фразой. Поэтому они настаивали на равенстве и экономическом, которое многие сегодня понимают упрощенно, как унылую уравниловку, как заблуждение вульгарного коммунизма. Такое понимание на редкость непоследовательно. Ведь все признают, что равенство перед законом есть политическое условие преодоления феодальных привилегий и необходимая предпосылка демократии, многообразных политических и идеологических течений, плюрализма и т. п. Политическое равенство отвергали в свое время лишь владельцы феодальных привилегий.

Экономическое же равенство является основой многообразных форм хозяйствования на уровне личном, групповом, государственном. Скажем, социалистическое государство предоставляет всем гражданам права владения, распоряжения, пользования общественным достоянием в виде кооператива, подряда и пр., регулируя на договорной основе взаимоотношения между субъектами экономической деятельности путем налога и другими экономическими мерами, а не жесткой разверсткой планов, диктатом и т. д. В последнем случае ни о каком экономическом равенстве не может быть и речи, так как функции владения и распоряжения будут целиком принадлежать административно-управленческому

аппарату. Только при растущем экономическом равенстве возможны действительное политическое равенство, подлинная демократия, гласность, личная инициатива, разумный баланс прав и обязанностей аппарата и тех, кто непосредственно производит общественный продукт — материальный и духовный.

Равенство экономическое и политическое ведет в итоге к равенству *социальному*. Решающий *классовый* приоритет социализма как раз и состоит в развитии таких технологических, экономических, социальных и политических структур, которые через новую кооперацию общественного труда работают на *социальное равенство*. При таком равенстве различия в специальностях уже не ведут к многообразным социальным привилегиям и каждая личность, а не только группа избранных «счастливиц» имеет общественные условия для свободного и целостного развития своих способностей, а значит, и потребностей. Иными словами, социальное равенство — это то, *ради чего* и возникло коммунистическое движение и без чего оно выдыхается, теряет привлекательность для рабочих и крестьян и вырождается в напыщенную фразу о надклассовых ценностях. Речь опять же идет не об уравниловке, стесывающей подчистую личное своеобразие и талант, не о равенстве *индивидуальных способностей* (над чем хихикали эпигоны), а исключительно о равенстве общественных возможностей для целостного развития каждой личности, о чем мечтали и все угнетенные, и лучшие умы человечества.

Социальное равенство — высшая форма социальной справедливости. В нем классовый пролетарский интерес совпадает со всечеловеческим: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Таким образом, классовый интерес рабочих, крестьян является общечеловеческим по содержанию, но классовым по форме его осуществления. В данном случае классовость означает не очередную «чрезвычайщину» и принудилровку, а налаживание общественной связи, просторной для свободного развития *всех, а не только элитных слоев и групп*. Вот этим «не только» и отличается марксистская позиция от ревизионистской и откровенной буржуазной в толковании приоритета «общечеловеческих ценностей». Вот этого-то и не понимают те, кто сегодня отрицает классовый подход, толкуя его (то ли намеренно, то ли по незнанию) упрощенно, как реализацию интересов только рабочих и обязательно в ущерб интеллигенции, как «жуткий сталинизм»! Движение к реальному социальному равенству и есть конкретное воплощение общечеловеческих ценностей, ясный ориентир в определении того, насколько соответствуют идеям коммунизма преобразования в социальной, экономической, политической сфере. В последовательном проведении этого критерия и состоит суть классового подхода и политического руководства. Ничего «кровавого» и «сталинистского» здесь нет и в помине.

Наоборот, неприятности начинаются при отчуждении непосредственных производителей общественного продукта от собственности и власти. Тогда общественная собственность сменяется государственной, народовластие — властью аппарата. Первичным становится не интерес тружеников, а интерес многомиллионного административно-управленческого и партийного аппарата. Такое переворачивание с ног на голову, огосударствление всех сфер общества, сплошная бюрократическая регламентация всего и вся сковали самодеятельность людей. Монополия на владение и распоряжение ведет к монополии на управление, идеологию, информацию, культуру. Директор предприятия является, как правило, членом парткома, СТК и райкома партии, а также народным депутатом. Его статья автоматически помещается в заводскую многотиражку — орган не трудового коллектива, а аппарата (парткома, администрации и т. п.). Часть интеллигенции, профессионально занятой управлением, толкует государственные законы на местах в свою пользу и с крайним раздражением воспринимает суждения о необходимости классового подхода к общественным явлениям, предпочитая невнятные разговоры о надклассовых интересах и ценностях. И в то же время рассматривает рабочих как собственность административного аппарата, определяя, работать ли коллективу на подряде реальном или же мнимом, частичном. Она, конечно, за перестройку, но в пределах своей монополии на собственность и власть.

Мы намеренно подробно остановились на политико-экономических предпосылках самодеятельности в силу их особой важности. Задача данной статьи — раскрыть внутреннюю связь самодеятельности и формирования творческой индивидуальности, способностей личности.

В понимании способностей дает о себе знать логика определения извне: одни считают способности «искрой божией», другие — «даром» природы, третьи — продуктом общественных обстоятельств. Общим здесь является упор на детерминированность человека извне, а не на его самодетерминацию, самосозидание. Между тем способности есть *способы деятельности*, усвоенные личностью. А эти способы целиком, на сто процентов создаются людьми. И распределяет их между людьми не природа, а общественное разделение труда, закрепляя индивидов за разными родами, а значит, и способами деятельности. Так что отрицать влияние общественных условий не приходится.

Но здесь есть и иная сторона. Способами деятельности овладевает человек. И он не ограничивается их простым воспроизводством, повтором, но их развивает, становясь творцом. Творчество — это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами процесс моделирования человеком схем деятельности и общения, равно как и талант — это норма в развитии личности,

не изуродованной общественным разделением труда и не превращенной в «обрывок» человеческой целостности. Редкость талантов — это «самокритика» общества, точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции, каждая из которых закрепляется за «одномерным» индивидом. В результате появляется ученый с моралью Смердякова, политик, глухой к искусству и красоте, и другие представители профессионального кретинизма. Творчество же целостно, оно есть «дружная кооперация», полифония всех продуктивных сил человека: разума и воображения, свободной воли и нравственных и эстетических чувств. Оно вспыхивает на ниве добра, человеческой солидарности, озабоченности интересами народа.

Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и тем самым обновлять схемы деятельности и общения, созидать общественно значимый продукт. За этим умением скрываются определенные социальные параметры, одним из которых является самодеятельность. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть, во-первых, свободная деятельность, направленная на перестройку самих схем, способов деятельности; во-вторых, порождает в сознании диалектическое мышление, что является неотъемлемым компонентом творчества; в-третьих, развивает свободное *самоопределение* лиц и коллективов, на котором зиждется творчество; в-четвертых, формирует через самоопределение целостную субъектность личности и коллектива; в-пятых, содействует общению, просторному для полной самореализации человека.

В самодеятельности изменение предмета подчинено целям «самоизменения» субъекта, исполнительство — творчеству. В ней доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, самих способов деятельности. Поэтому субъект не срывается с приемами действия, как улитка с раковины, он выходит за рамки «окостеневших» приемов и проектирует новые способы преобразования реальности, обновляя тем самым свои способности. Одно дело — сосредоточить внимание на преобразовании предмета, а другое — на самом способе преобразования и перестроить его. С такой перестройки и начинается самодеятельность: субъект умеет не только действовать согласно правилу, но и изменять само правило согласно новым обстоятельствам. Консерватизм мысли тогда и набирает силу, когда способы деятельности и общения воспринимаются как нечто незыблемое, данное раз и навсегда. Консервация этих способов есть и консервация способностей, их интеллектуальное «старение», тогда как самодеятельная личность является архитектором своих способностей.

В самодеятельности доминирует установка на выход за пределы достигнутого, ставшего и «отвердевшего», который всегда осуществляется путем разрешения *противоречия* между сущим и

должным, между исполнением и творчеством, между Я вчерашним и Я сегодняшним. Здесь-то и возникает обостренная диалектическая ситуация, требующая *ума*, т. е. умения разрешать противоречие. Возникающее в самодеятельности созидательное противоречие — это «локомотив» творчества, оно побуждает личность к обновлению способностей, возвращает индивидуальность, открытую для живого диалога, критики и полемики.

Смещая ценностную ориентацию с деятельности прошлой на актуальную, с вещного результата на процесс сотворения, самодеятельность качественно изменяет ценностную позицию, освобождает ее от фетишей и идолов, порождает у личности диалектический взгляд на различные формы культуры со стороны их дальнейшего развития. У диалектики и самодеятельности общий девиз — выход за пределы достигнутого путем разрешения противоречий в созидании общеинтересной новизны.

Так как субъект самодеятельности есть одновременно и объект, и субъект преобразования, то из-за такой самонаправленности он, по существу, противоречив и неравен самому себе: опредмечивая свои силы, он противопоставляет себя как материал, подлежащий переформированию, самому себе как формирующей деятельности, но одновременно он объемлет обе противоположности — результат и процесс. Соединяя в себе эти противоположности, он есть напряженное противоречие между деятельностью ставшей, опредмеченной и становящейся, процессуальной. Это противоречие разрешается (и вновь становится) через самоизменение, самоотталкивание и вместе с тем через вбирание субъектом в себя положенных им моментов, но уже как моментов-условий для новой фазы самостановления, а не для повтора и воспроизводства известного и традиционного. Эта диалектическая пульсация творческого процесса продуцирует прирост и обновление сущностных сил и их предметных воплощений. Здесь социальным квантом, по выражению В. С. Библера, оказывается личность, «неравная сама себе», способная к продуктивному диалогу¹². Присущее деятельности противоречие между объектом и субъектом превращается в актах самодеятельности в противоречие самих сущностных сил человека — между репродуктивным и продуктивным.

В самодеятельности формируется *целостная* личность. Ее способности сращиваются в целое так, что «соло» одной из них сопровождается «хором» всех остальных. «Симфония» интеллектуальных сил: разума, понимающего истину, воли, творящей добро, чувства, воспринимающего красоту, — увлекает личность своим многогранным и вечно новым содержанием. Целостность способностей ведет к развитию многогранных потребностей и позволяет субъекту переходить от одного вида деятельности к другому, целостно претворять себя в «ансамбле» всех общественных отно-

шений, полно потреблять богатство человеческой субъективности.

Таким образом, субъект самодеятельности устремлен не на консервацию наличных порядков и масштабов, а на развитие своих творческих сил безотностительно к заранее установленному масштабу, бюрократическим канонам; он реализует себя путем беспрестанного выхождения за границы этого развития, которые осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань»; он не застывает в односторонней определенности, а воспроизводит себя «во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹³. Целостная личность — это не «цельнокаменная натура», а, как любил выражаться К. Маркс, «совершающее процесс противоречие», она открыта для новых вариантов действия и общения. Она характеризуется не столько количественной стороной, набором исполняемых видов деятельности, сколько качеством деятельности — самодеятельностью.

По мере интеллектуализации общественного производства центр тяжести в нем, как свидетельствует современный опыт развитых стран, смещается на расширенное воспроизводство самодеятельности, обновляющей человека и культуру. Рост доли самодеятельности порождает адекватные ей общественные отношения, просторные для самореализации людей. Совпадению самодеятельности с материальной жизнью, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, соответствует превращение прежнего общения, вынужденного внешними мотивами, в человеческое¹⁴, т. е. отношения начинают складываться не по поводу производства вещей, а по поводу культурного развития людей, по поводу обмена не вещными результатами деятельности, а сущностными силами людей, выраженными в этих результатах. Поэтому эти отношения сущностные, человеческие, т. е. отношения в сфере реализации человеческих сущностных сил¹⁵. Они реализуются как взаимобмен, взаимодополнение и взаимообогащение этими силами и выступают пространством самоосуществления человека, исчерпывая его целиком. Самочувствие человека в таких отношениях подробно и впечатляюще раскрыл К. Маркс¹⁶. В явлениях же вещного обмена, наоборот, вещь присваивается, но культура, в ней заключенная, и субъективный мир, в ней запечатленный, не осваиваются.

В рамках непосредственно-общественных отношений диалектическая природа самодеятельности представлена в интенсивном виде. Абсолютной и «вечной» формой, в которой осуществляется самодеятельность и которая человеческим образом побуждает людей к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, выступает соревнование по весьма бескорыстному поводу развития универсальной человеческой природы, выявления творческих потенций лиц и коллективов. Уже сам общественный контакт, замечает К. Маркс, вызывает соревнование и своеобразное

возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность¹⁷. Человек — существо общественное. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически сравнивают себя по своим произведениям, в которых выражены их сущностные силы. Предметом и мерой оценки здесь выступают человеческие качества. Это — имманентная, внутренняя мера в отличие от внешней, например стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами и соревнование носит отчужденную форму конкуренции.

Соревнование диалектично. В нем каждый идеально полагает себя по своим возможностям *равным* с другим, иначе нет смысла вступать в него ввиду заранее известной победы (или поражения). Но в то же время и в том же отношении каждый идеально полагает себя *неравным* с другим, что выражается в практическом стремлении опередить равного. Это выхождение за пределы равенства предполагает само равенство, ибо пафос борьбы возникает лишь в состязании с равным, с достойным. Опережая себе равного, субъект опережает самого себя, вступает в состязание с собой. Противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим собой, побуждая к саморазвитию.

Выхождение за пределы исходного пункта осуществляется, таким образом, коллективно и противоречиво. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно противоречиво и остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивному напряжению способностей. Престижным в нем являются важнейшие социальные качества человека: воображение, новаторство, профессиональное мастерство. Поэтому оно всегда увлекает и воодушевляет, если является подлинным, а не спущенным сверху лозунгом «развернуть соревнование».

Поэзия борения, неукротимый дух человеческого состязания, установка общественного производства на универсальное развитие человека формируют диалектическое мышление как ведущую тенденцию духовной культуры. Общество самодеятельности, где развитие индивидуальности осуществляется как выхождение за пределы достигнутого, общество, «единственной предпосылкой которого является выход за пределы исходного пункта», а не увековечение исторически преходящих общественных структур и образа жизни, такое общество, подчеркивал К. Маркс, порождает понимание человеком «собственной истории как процесса», ибо «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида»¹⁸. Такое понимание теоретически представлено философской диалектикой, согласно которой абсолютным является сам процесс, а не его временный результат. Теоретически выражая социальную самодеятельность, диалектика выступает вместе с

этому чуток к перспективным тенденциям в экономике и политике, науке и искусстве. Социальное равенство в коллективе, отношения товарищества одухотворяют, рождают у каждого творческий порыв внести свою «живинку», свой особый вклад в общее дело, заслужить уважение товарищей, утвердить себя в их сознании как личность творческую, со «своей песней». Так товарищеское равенство рождает непосредственно свою противоположность — *потребность в индивидуализации* мастерства.

Способность к законодательству развивалась на долгом и трудном пути, полном социальной борьбы за должные полномочия тех или иных групп. Так, одно дело — принимать решения, ссылаясь на внешний авторитет (оракула или Пифии — в античности; бога — в средневековье; абстрактной справедливости — в мифологии буржуазного либерализма; разного рода светских инстанций — государственных, партийных и др.), а другое дело — возводить волю социальной группы, коллектива, класса во всеобщее правило, опираясь на собственное личное разумение, на ясное понимание объективных отношений и интересов людей. В первом случае субъектность разорвана и частична, нормотворческая функция передана какому-либо внешнему гаранту, а то и культу. Во втором случае источником законодательства является разум и воля человека, у которого достаточно мужества взять на себя ответственность за принятое решение.

Первоначально способность к законодательству существовала, вероятно, лишь на уровне группы (общины, рода) в форме *общих*, т. е. *общественных*, законодательных органов, которые в дальнейшем узурпировались эксплуататорами и закреплялись за узким кругом лиц. Законодательная функция, отделившись от исполнительской деятельности, прошла ряд ступеней эволюции на институциональном уровне (государство, церковь, партии) и развивалась настолько, что институциональные рамки и неуклюжие, громоздкие аппаратные процедуры стали для нее *оковами*. По мере демократизации общества и развития личности эта функция (суверенное конституирование нормы) становится духовным достоянием все большей части трудового народа, его самостоятельных организаций, *деинституциализируется* и превращается в схему работы самосознания и воли «низов». Например, в сфере морали и нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностным в виде *самоповедения*, *самоконтроля*, *самооценки*. Напротив, в условиях античности выдвижение новой нормы всегда подкреплялось ссылкой на авторитет Пифии. Для самостоятельных решений, замечает Гегель по этому поводу, нужна выработавшаяся субъективность воли, но у греков «еще не было этой мощи и силы воли»¹⁹.

Мощь и сила воли мало что проясняют. Развитая субъектность (способность к самоопределению, законодательству, нор-

тем и логикой самодеятельности, коммунистического воспитания личности.

Сущностная связь самодеятельности и формирования творческой индивидуальности заключается в том, что в процессе самодеятельности возникает важнейшая и для творчества, и для субъектности способность личности к *самоопределению*, которое превращается в устойчивую схему работы интеллекта (разума, воли, чувственного восприятия) и практического действия, повышая культуру самореализации личности.

Самоопределение является исходным в структуре субъекта, оно — необходимая предпосылка творчества, т. е. умения порождать общественно интересное новое как положительный момент культуры. В условиях растущего социального равноправия самоопределение личности развивается в способность к *законодательству* (нормотворчеству), понимаемому здесь не в юридическом, а в философском смысле. Для исполнительства достаточно умения подводить частный случай под общее правило, инструкцию, принцип. В творчестве же выражается способность к законодательству, т. е. умение порождать само общее правило, сам принцип, новый способ деятельности и утверждать его в сознании других как момент культуры.

Способность к законодательству как культурный феномен означает, что субъект признает себя равноправным представителем коллектива, той или иной общности, возвышается до коллективного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, т. е. полномочие на *суверенное конституирование* той или иной нормы в сфере труда, науки, политики, нравственности, искусства или общения. Такое *самоуполномочивание* — это «душа», важнейший и весьма тонкий момент новаторства. Оно возникает тогда, когда субъект проникается общественным интересом, рассматривает свой интеллект как *равноценную* частичку общественного интеллекта, доверяет своему разуму и своей совести как непосредственно общественным и тем самым осознает себя равноправным началом всего нового и интересного для других. Поэтому он и берет в свои руки функции законодательства, не спрашивая разрешения «свыше», будь то бог или земная начальственная инстанция.

Эта способность уходит своими глубинными духовными корнями в социальное равенство, которое всегда так или иначе связано с чувством или с осознанием этого равенства. Это чувство остается в тени, безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, смелость, воодушевление в творчестве общественно интересного и полезного. Когда субъект смотрит на проблемы глазами коллектива, тогда его разум, воля, чувства наполняются емким социальным содержанием. Он мыслит широко, с позиций интересов своего народа и по-

мотворчеству) становится достоянием каждого в условиях полной самостоятельности, непосредственно общественных отношений, полновластия трудового народа, коллективных начал, общественного самоуправления и фактического социального равенства. В таких условиях субъект с самого начала признает себя полномочным представителем той или иной ассоциации потому, что другие люди признают его таковым. И самоуполномочивание становится не чем-то исключительным, а нормой, равно как и престижность деятельности и общения, просторных для самоопределения и самостоятельности личности, для ее сотворчества с другими.

Способность к самоопределению, законодательству — «тайна» и исток любого творческого начинания человека, раскрепощенного и свободного от пут социальных регламентаций разного рода «монополистов» на собственность, власть, культуру. Когда же источник этой способности усматривают в биохимии плоти, в генах, тогда сплошь и рядом плодятся *элитарные* концепции, возрождающие дух «избранности» стародавних, ветхозаветных времен и социальные порядки, когда функции законодательства были оторваны от трудового народа. Такие концепции губительны для творческого потенциала народа, они ведут к разделению людей на «своих» и «чужих», т. е. «элитных» и «серую» массу, к клановым, своекорыстным интересам, в узкую щель которых не увидишь перспективы ни в жизни, ни в искусстве, ни в науке; они оправдывают спецшколы только для «одаренных», а не для всех детей согласно их склонностям, насаждают разного рода «спец» в жизни и культуре для «спецлюдей», отказывают «чужим» в перспективе, сеют сомнения в возможности осуществления коммунистического идеала о свободном развитии каждого человека как творца, а на практике оборачиваются творческим бесплодием одних («элиты») и подлой позицией выжидания других («верхи решат и укажут»).

А. Севастьянов в статье «Интеллигенция: что впереди?» призывает «взять курс на создание интеллектуальной элиты», прибегая к откровенной софистике. «Ведь не боимся же мы,— восклицает он,— выращивать „элитную“ пшеницу, не говорим, что это „недемократично“!»²⁰ Смешно, конечно, распространять социальные характеристики («демократичность») на мир растений или животных. Но когда к людям применяют «животноводческий» подход, то становится не до смеха. Все это мы уже не раз слышали от расистов и, к сожалению, испытали при весьма не демократических обстоятельствах.

Творчество по своей сути социально, и объяснять его надо социальными же моментами. Соотношение творчества и исполнительства в деятельности субъекта прямо связано с объемом полномочий, прав и обязанностей, которые обусловлены общественным разделением труда.

В заключение конкретизируем значимость самоопределения в структуре субъекта, а она убедительно раскрыта в научно-теоретическом, моральном, политическом, эстетическом освоении мира человеком. Как глубоко показал Кант, чтобы понять предмет теоретически, в его целостной связи, субъект должен построить духовный аналог реальной связи в акте собственной «самодеятельности»²¹.

В морали на первый план выступает воля, переводящая принципы разума в поступки и дела; в ней важна особая форма волеия — *самоповеление*. Мораль, верно подчеркивал К. Маркс, зиждется «на автономии человеческого духа»²², иначе бы моральная ответственность потеряла смысл и основание.

Самоопределение — атрибут и политической воли. Особенность политики в том и состоит, что в ней большие социальные группы стремятся возвести свою особую волю во всеобщую, в закон для всех. Политика начинается с сознательного самоопределения класса, группы, личности. Самоопределение в идеологии есть первое требование для конституирования класса, не говоря уже о его партии, в политический субъект. Класс, не способный к такому самоопределению и не стремящийся утвердить свою волю как действительную власть, есть еще *объект*, а не *субъект* исторического процесса, есть класс «в себе», а не «для себя».

Свободное самоопределение образует глубинную суть и субъекта эстетического освоения действительности. Если предмет чувственно воспринимается нами как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным. Прекрасное есть *чувственное изображение, образная характеристика свободы, свободного самоопределения*. Мысль К. Маркса о том, что человек производит по мерке любого вида, а значит, «и по законам красоты»²³, цитируется в литературе часто. Однако авторы не раскрывают внутреннюю связь между мерой и красотой, прекрасным. А связующим звеном здесь является самоопределение субъекта, его внутреннего чувства. Ведь формироваться согласно своей мере — значит определяться не извне, а изнутри, согласно своей природе, т. е. самоопределяться. Но не все то прекрасно, что сформировано согласно своей мере. Явление, будь то полет чайки или музыкальная композиция, воспринимается прекрасным только тогда, когда оно пробуждает в нас *состояние свободного самоопределения*, «провоцирует» его, является его образом, метафорой. Чувство красоты, писал выдающийся советский философ Э. В. Ильенков, сопровождает «свободу воображения», когда изображение рождает идеальную форму предмета согласно его чистой мере²⁴. Происходит совпадение «самоопределения» предмета и субъекта. Наслаждение прекрасным потому и возвышенно, что оно состоит в переживании субъектом состояния свободного самоопределения. Последнее есть субстанция прекрасного. В фор-

ме красоты «переживается факт совпадения формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения»²⁵.

Формой же «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта. Оно развивается в актах самодеятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в схему работы чувственного восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного — *эстетическим вкусом*. Свобода и красота, прекрасное накрепко связаны. Самоопределение наиболее зримо и доступно представлено в нравственности (вспомним «автономию человеческого духа»), возможно, поэтому эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в нравственной сфере, в борении человеческого духа. Нравственная красота есть, пожалуй, высшая форма красоты. Возвышенное тоже наиболее впечатляюще раскрыто величием характеров и дел героев. Безмерность природной стихии, будь то звездное небо или океан, поражает воображение лишь на короткое время, тогда как великие дела героев волнуют умы и сердца на протяжении столетий. Не случайно Кант сопрягал звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

Итак, самодеятельность через адекватные формы общения развивает свободное самоопределение как духовную основу творческих способностей в их целостности, в единстве разума, воли и чувственного восприятия и тем самым позволяет субъекту творить и себя, и мир по законам истины, добра и красоты.

¹ Гегель. Феноменология духа // Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1959. С. 2.

² Исключение составили работы Э. В. Ильенкова, Г. С. Батищева и ряда их единомышленников. Например, см.: Философско-психологические проблемы развития образования. М., 1981.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 68.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 110.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

⁷ Там же. Т. 35. С. 311.

⁸ Там же. Т. 37. С. 201.

⁹ Там же. Т. 35. С. 88.

¹⁰ Там же. Т. 38. С. 116.

¹¹ См.: Там же. Т. 35. С. 445.

¹² См.: Библиер В. С. О культуре мышления теоретика Нового времени (XVII — начала XX в.) // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д, 1973. С. 152.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 281.

¹⁴ См.: Там же. Т. 3. С. 68.

¹⁵ См.: Кленов Л. А. К проблеме сущностных противоречий культуры // Филос. науки. 1986. № 3. С. 39.

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 35—37.

¹⁷ См.: Там же. Т. 23. С. 337.

¹⁸ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 35.

¹⁹ Гегель. Сочинения. Т. 8. М.; Л., 1935. С. 239.

²⁰ Лит. газ. 1988. 21 сент.

²¹ См.: Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 190.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 13.

²³ Там же. Т. 42. С. 94.

²⁴ См.: Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 250—251.

²⁵ Там же. С. 225.

А. Т. ШУМИЛИН

Симферопольский университет

ТАЛАНТ И ТВОРЧЕСТВО

Настоящая статья посвящается анализу проблемы таланта, его природы, происхождения и развития, значения таланта для эффективной творческой деятельности человека, места проблемы таланта в теории творчества.

В популярной научной литературе, в общественном сознании в целом высокие творческие достижения связывают с наличием у человека таланта, под которым понимают систему психических качеств человека, проявляющихся в эффективном решении проблем (нестандартных задач) в какой-либо области культуры, в высоких творческих достижениях.

По вопросу о природе таланта, его происхождении выдвинуто несколько различных концепций. Они могут быть сведены к двум основным. Согласно первой, талант определяется как особое врожденное качество. Эта линия идет от Платона, продолжается христианством (Августин, Фома Аквинский и др.), в XIX в. развивается Ф. Гальтоном, а в настоящее время — многими буржуазными теоретиками, например П. Тейяром де Шарденом, А. Кестлером, К. Лоренцем, Ж. Моно и др.

Из этой концепции следует, что научить творить людей невозможно, что обучать, например, изобретательству — труд напрасный; выдающимся художником, изобретателем нужно родиться; воспитать талантливого человека при отсутствии у него особых задатков («особых генов») невозможно; люди делятся от рождения на особых, одаренных и неодаренных, обыкновенных, «нормальных» людей и т. п.

Распространенность этого взгляда подтверждается тем, что и в современном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1987) талант определяется как «выдающиеся врожденные качества, особые природные данные» (с. 643).